

РАЗДЕЛ IV. СЕМИОТИКА: МИР КАК ТЕКСТ

ББК 76.01; 83.3(2)

УДК 82-92; 396

DOI 10.52172/2587-6945_2022_21_3_55

А. В. Петров¹

*МОУ СОШ № 38 им. В. И. Машковцева
455045, г. Магнитогорск, ул. Ворошилова, 11/1
ORCID: 000-0002-3664-4487
alexpetrov72@mail.ru*

Н. В. Ярина²

*МОУ СОШ № 38 им. В. И. Машковцева
455045, г. Магнитогорск, ул. Ворошилова, 11/1
alexpetrov72@mail.ru*

СТАТЬЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ДЬЯКОНОВОЙ «О ЖЕНСКОМ ВОПРОСЕ» (1902): ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ФЕМИНИЗМА И ТОЛСТОВСТВА

В статье дается анализ публицистической статьи известной даиэристки рубежа XIX–XX вв. Е. А. Дьяконовой «О женском вопросе» (1902 г.). Устаревший ныне термин той эпохи – «женский вопрос» описывал права и положение женщин во всех сферах тогдашней общественной жизни. Самой Дьяконовой, испытавшей родительский гнет, с трудом попавшей на Бестужевские курсы и столкнувшейся с ущемлением своих гражданских прав, этот «вопрос» был пережит и прочувствован лично. Статья, написанная Дьяконовой в Париже, была направлена против писателя, её современника, который являлся для нее кумиром, но взгляды которого на «половой вопрос» она принять не могла. Полемика с Л. Н. Толстым ведется писательницей с нескольких позиций. Во-первых,

¹ Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, доцент, педагог дополнительного образования, МОУ «СОШ № 38 им. В. И. Машковцева», г. Магнитогорск, Россия.

² Ярина Наталия Викторовна, преподаватель-исследователь, магистр, директор, МОУ «СОШ № 38 им. В. И. Машковцева», г. Магнитогорск, Россия.

она обнаруживает противоречия в его христианских взглядах, указывая, что тот, кто разделяет евангельское учение о любви и следует идеям Нагорной проповеди, должен прийти к отрицанию подчиненного положения женщины в браке. Во-вторых, Дьяконова упрекает Толстого в «домостроевских», «средневековых» взглядах на женщину, имея в виду известный тезис о подчинении жены мужу. Продолжая свою критику исторического христианства, она, в-третьих, говорит о закреплении женщины мужчиной на новых, «новозаветных» основаниях. Из современных учений лишь социализм, считает Дьяконова, возвращается к первоначальному пониманию евангельской заповеди о любви к ближнему и признает женщину равноправной мужчине. Только социализм освободит женщину и даст отношениям полов новую форму. В целом идейная эволюция Дьяконовой двигалась в направлении «марксистского феминизма».

Ключевые слова: Е. А. Дьяконова, Л. Н. Толстой, «женский вопрос», феминизм, толстовство, гендерные исследования

Один из самых известных женских русских дневников – дневник Елизаветы Александровны Дьяконовой (1874–1902), после столетнего забвения вернувшийся к читателю в начале 2000-х гг., постепенно начинает осваиваться научным сообществом (см.: [5; 6; 7; 12]). Однако в данной работе мы остановим свое внимание на малоизученной публицистической статье Дьяконовой, полемически направленной против Л. Н. Толстого и его взглядов на «женский вопрос». Таким образом, мы вносим вклад как в толстоведение, так и в изучение истории женского движения в России, в том числе в феноменологию женского сознания и женского «письма».

«Женский вопрос» в доиндустриальной России

Понятие «женский вопрос» имеет широкое содержательное наполнение, но прежде всего оно связано с правами и положением женщин во всех сферах общественной жизни (экономика, право, политика, образование, наука, искусство). В России «женский вопрос» возник, как считает американский историк, исследователь российского женского освободительного движения Ричард Стайтс, непосредственно после окончания Крымской войны, т. е. во второй половине 1850-х гг. [8, 55]. С ним согласна отечественная исследовательница русского феминизма И. И. Юкина: «На повестку дня встал семейный вопрос: проблемы отцов и детей, отношения жен и мужей. По мнению многих современников, семейные отношения с 1860-х годов испытали полную революцию. Патриархальный

семейный уклад рассматривался как пережиток крепостничества и также подлежал уничтожению. Поэтому «женский вопрос», включавший в себя проблемы личной свободы женщины, семьи, быта, образования и труда женщин, был внесен интеллигенцией в программу демократических реформ» [11, 51].

Кроме книг Р. Стайтса «Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930» и И. И. Юкиной «Русский феминизм как вызов современности», в нижеследующем кратком обзоре мы опираемся на работы таких исследователей, как Э. Д. Днепров, Р. Ф. Усачева, Э. П. Федосова, А. В. Белова, И. Жеребкина, Н. Воробьева, А. И. Громова, Е. А. Косетченкова и др.

Итак, «женский вопрос» в России начался с вопроса о женском образовании, и лишь позднее «он развился во всеобъемлющую антропологическую дискуссию об индивидуальной одаренности и особенной судьбе женщины» [8, с. 55]. Единичные учебные заведения для женщин (девичьи училища) появились у нас еще в XI в., но затем на многие столетия женское образование оказалось «законсервировано». И только в XVIII в. идея женского учебно-воспитательного заведения пришла в голову Петру I, однако император ограничился одним указом (24 января 1724 г.) о том, чтобы монахини воспитывали «сирот обоего пола и обучали их грамоте». Женское училище, существующее на государственные дотации, будет создано только при Екатерине II. Имеется в виду утвержденный императрицей 5 мая 1764 г. «Устав Воспитательного общества благородных девиц», составленный И. И. Бецким. «Воспитательное общество», расположившееся в Воскресенском Новодевичьем (Смольным) монастыре, стало первым в России государственным закрытым женским учебным заведением (к 1894 г. в России было 30 институтов благородных девиц).

Затем на много десятилетий развитие женского образования в России приостановилось. Вопрос о нём встал на повестку дня, как уже отмечалось, в связи с поражением в Крымской войне и с восшествием на престол императора Александра II. Этапной работой этого периода, привлечшей общественное внимание к женскому образованию, все исследователи считают статью известного хирурга и педагога Н. И. Пирогова «Вопросы жизни» (1856). До выхода этой статьи считалось, что женщину можно наделить лишь таким количеством знаний, которого будет достаточно для того, чтобы она могла поддерживать разговор с мужем и участвовать в воспитании детей [8, 59]. Пирогов выступил

с абстрактным, но для того времени впечатляющим призывом женщин к «самопожертвованию» и «борьбе».

В конце 1850-х – начале 1860-х гг. в Петербурге возникают женские студенческие кружки, которые и можно считать началом женского движения в России [9, 30]. Членом одного из них была Н. В. Стасова, та самая, у гроба которой будет дежурить 29 сентября 1895 г. Дьяконова. Удивительно, наверно, но смерть одной из основоположниц и пионерок русского женского движения не вызвала у даизеристки никакого душевного отклика: «Я стояла и думала: к чему это дежурство? Какой смысл в том, что мы стоим здесь, у гроба?», ведь ей это наше «внешнее» уважение «не нужно» [2, 160]. На следующий день на похоронах, где было много людей и речей, Дьяконова также осталась равнодушной: «Я стояла, смотрела, слушала, но никакого особенного сожаления не испытывала, в особенности когда говорились речи» [2, 162]. Даизеристка отмечает, что «само-то общество» несколько о Стасовой не сожалело. Дьяконову, которая к этому времени начала сомневаться в существовании Бога, неприятно поразил «гражданский характер» похорон, напомнивших ей праздник или «общественное собрание». Мысли её на этих похоронах шли не в направлении общественно-политическом, как можно было бы ожидать, а в философско-бытовом: невольно она стала «цитировать», как нам кажется, оду «На смерть князя Мещерского» Державина, а возможно также, что и знакомые ей с детства проповеди: «Вот можно было бы составить целое рассуждение о внезапности смерти, о том, что человек ещё в понедельник не мог никак предположить, что в пятницу он будет в гробу, и все для него кончено, и навсегда, и куда он уйдет, что ожидает его “там”, но это было бы повторением общих мест. Но несмотря на то, что эти общие места всем и каждому известны, всегда повторяешь и слышишь повторения тех же размышлений» [2, 160].

Зато смерть попечителя Санкт-Петербургского учебного округа М. Н. Капустина (случившаяся 11 ноября 1899 г.), человека, благодаря личному участию которого Дьяконова поступила на «бестужевские» курсы, заставила её размышлять именно в феминистском ключе – о своей женской самореализации. Сначала она чувствует благодарность к человеку («невыразимо-глубокое чувство»), принявшему участие в её судьбе; затем начинает думать о бессмертии души, о посмертном блаженстве, которое мыслится ей как недостижимый на земле «идеал братства и равенства», и от него ее мысль движется к ее собственному «идеалу». И первый шаг на пути к этому – статья «о женском образовании», «о средней женской

школе». Для Дьяконовой очень важно поднять этот вопрос в печати (с этой целью она пойдет в редакцию журнала «Женское дело»), т. к. о реформе женской школы никто почему-то не пишет [2, 295–297].

Между этими двумя смертями – 4 года учебы Дьяконовой на Бестужевских курсах. В 1895 г. она – девочка, которая смутно представляет себе своё будущее и религиозность которой ещё крепка, поэтому смерть патронессы женского движения и самих этих курсов, которую она лично не знала, приводит её к отстранённому, в общем, взгляду на эту смерть и на траурную церемонию. К ноябрю 1899 г. Дьяконова уже закончила курсы, уже получила от министра юстиции отказ на свой запрос о возможности заниматься адвокатурой в России (и ощутила себя при этом «образованной крепостной») и уже приняла решение уехать за границу. Смерть М. Н. Капустина – ещё одно прощание с Россией, любовь к которой Дьяконова готова была возненавидеть после встречи с министром (12 октября 1899 г.). Впереди – грандиозные планы и Париж.

Но вернёмся к 1860-м гг. В своих статьях революционные демократы Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев критиковали сословный характер женского образования, выступали за его бессословность и доступность. В 1863 г. вышел в свет роман Чернышевского «Что делать?», ставший «своего рода Библией для всех передовых русских женщин, стремившихся к независимости» (Р. Стайте). В романе явственно прочитывалась идея социальной революции, при этом радикальность «нигилистических» взглядов автора на личную эмансипацию и сексуальную свободу оказались неприемлемы даже для женщин-радикалок [8, 135]. «Роман выдвинул широкую программу взаимоотношений между полами, – пишет американский историк, – и представил взгляд на эротическую любовь, которая будет господствовать в представлениях нескольких поколений революционеров» [8, 136].

И здесь следует сказать, что Дьяконовой роман Чернышевского был, судя по всему, не известен: никаких указаний на его чтение в дневнике, в котором даиэристка дотошно описывает круг своего чтения, нет. Так, в 1892 г. (запись от 6 сентября) она с удивлением узнаёт из газет, что Софья Ковалевская «заключила фиктивный брак, с целью уехать за границу для учения. Это меня поразило: такая мысль мне бы и в голову не могла прийти. Но зато и я не К-ская... Однако пример заразителен: что, если бы и мне сделать тоже! <...>» [10]. Как видим, идея фиктивного брака, столь важная для сюжета романа Чернышевского, Дьяконовой «и в голову не приходила». Возможно, незнание даиэристкой судьбы Веры Павловны Розальской (героини

«Что делать?») лишило её столь нужного ей образца поведения, «модели идеального жизнеустройства». О последней пишет И. Паперно в книге «Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма»: «Так, роман учит, как уладить конфликт с деспотическими родителями, изгнать ревность из супружеских отношений, вылечить девушку, умирающую от любви, и перевоспитать проститутку, и как платить за квартиру при ограниченных средствах» [4, 148]. Немало этот роман мог дать даиэристке и для познания самой себя, например своей чувственности. У Чернышевского, от его героев Дьяконова могла бы узнать, что «настоящая любовь, вопреки распространенному мнению, спокойное и ровное чувство» [4, с. 151]. «Американский» сюжет книги также мог бы открыть ей глаза на решение вопроса о свободе и месте (буквально – географическом) самореализации, к которому (решению) она пришла лишь к концу 1899 года. Наконец, духовная эволюция Дьяконовой, в частности трансформация её традиционной религиозности в близкую к христианскому социализму «веру» в братство и равенство всех людей очень напоминает эволюцию самого Чернышевского [4, 166–173]. Ср.: «И вот я чувствую, – пишет Дьяконова 14 ноября 1899 г., – как мои душевные силы незаметно обращаются на работу для идеи, справедливость – моя религия, вера в прогресс – моя вера» [2, 296].

В результате всех этих перемен в общественном умонастроении в 1860-е гг. власть была вынуждена расширить сеть государственных женских учебных заведений; к 1 января 1865 г. в ведении министерства народного просвещения состояло 120 женских училищ, где училось 9129 человек [9, с. 18]. Фактически всесословность и открытость женского образования были достигнуты, но само оно оставалось доступным в основном только для девочек из состоятельных семей. Кроме того, вознаграждение учителей в женских школах либо было минимальным, либо вообще отсутствовало, а сами училища и школы находились в подавляющем большинстве в столичных и губернских городах.

На 1867–1868 гг. приходится так называемый «второй университетский поход женщин», завершившийся открытием в 1869–1870 гг. в нескольких городах Российской империи публичных лекций для лиц обоего пола. С 1870 г. гимназии стали семилетними, а окончание при них восьмого педагогического класса давало девушкам право на звание домашних учительниц и наставниц [9, 20]. С 1872 года в России стали открываться частные женские гимназии, плата за обучение в которых была достаточно высокой. Наконец, 20 сентября 1878 г. в Петербурге открываются высшие женские курсы

(«Бестужевские курсы»), которые принято называть первым женским университетом в России. Женщины получили доступ к высшему образованию. Однако никаких прав окончание курсов женщинам не давало.

Свои мгытарства, связанные с поступлением на Бестужевские курсы, Дьяконова подробно описывает в дневнике (ей еще не исполнился 21 год, и на поступление требовалось разрешение матери). Но и в конце XIX в. женщинам в России был закрыт путь к высшему профессиональному образованию, а равноправие в разделении труда, в возможности занимать должности на государственной службе отсутствовало. Поэтому в жизни Дьяконовой в 1899 г. возникает «парижский» сюжет. Однако на тот момент (пребывание в Париже) «женский вопрос» в его привычном, общественно-политическом смысле трансформируется в «Дневнике русской женщины» в традиционный «женский вопрос» – связанный с осознанием даиэристой своей женственности и своей любви к лечащему врачу Ланселе. Там, в Париже, за полгода до своей трагической гибели, Дьяконова написала статью «*О женском вопросе*», опубликованную уже после её смерти.

Феминизм и социализм vs. толстовство и патриархат

По сути, статья представляет собой развёрнутую рецензию на сборник статей и ответов Л. Н. Толстого на адресованные ему частные письма, составленный его другом, издателем его произведений, правозащитником В. Г. Чертковым и изданный в 1901 г. под названием «*О половом вопросе. Мысли Л. Н. Толстого, собранные В. Чертковым*» [3]. Цитаты и тезисы из Толстого Дьяконова дополняет развёрнутыми комментариями феминистской направленности. В силу известных обстоятельств эта статья-рецензия оказалась итоговым, продуманным и развёрнутым её высказыванием о любви, браке, половых отношениях, положении женщины в обществе, социальных идеалах.

В начале рецензии Дьяконова констатирует «странность» этого чертковского издания, ибо, отмечает она, ответы на письма всё-таки не должны становиться «достоинством публики». Затем она формулирует принципиальную и хорошо известную позицию Толстого в данном («половом») вопросе: «<...> брак не есть необходимость и является помехой религиозному служению Богу и людям; но если человек не имеет силы воздержаться – то лучше вступить в брак, чем жить распутно» [10]. Логичным, замечает Дьяконова, является для Толстого отстаивание идеи целомудрия в браке. Теоретически не имея, по-видимому, ничего против самой этой идеи, Дьяконова ополчается против толстовских обвинений

в адрес женщины вообще, которой целомудрие якобы чуждо. Для рецензентки это «ветхозаветный взгляд», «шаг назад». Опираясь на достижения современной ей науки, Дьяконова утверждает, что чувственность свойственна обоим полам, а в какой мере, говорит она, – науке неизвестно.

Обнаруживает Дьяконова и знакомство с исследованиями по антропологии, этнографии (жизнь крестьян), социологии (тема проституции), медицине (женские болезни), праву (супружеские измены). Так, она отмечает, что девушки из средних и высших слоев общества до сих пор ничего не знают о «началах человеческой природы» и потеря девственности в браке зачастую становится для них сильнейшим нервным потрясением. Дьяконова абсолютно совпадает с Толстым в резко негативном отношении к невоздержанности мужей в тот период, когда их жёны беременны и/или кормят грудью. «<...> мороз по коже пробегает при мысли, – патетически восклицает она, – чего только не вынесит женщина!» [10]. Самой Дьяконовой опыт беременности и материнства был неизвестен. В целом же она солидарна с Толстым в том, что единственным решением семейных драм, возникающих на этой почве, следует считать «мужское воздержание».

Заметим, что Дьяконову-рецензентку чрезвычайно интересуют вопросы физиологии женского организма. Современные исследователи гендера в культуре неоднократно отмечали, что это – одна из особенностей *женского письма*: интерес к телесности, психосоматике, болезням и т. д. Так, Элен Сиксу (Hélène Cixous) в давней работе «Смех Медузы» («The Laugh of the Medusa», 1975) указывает: «Woman must put herself into the text – as into the world and into history – by her own movement» («Женщина должна погрузиться в текст – а заодно в мир и историю – своим собственным движением») [13, р. 875]. Она (женщина) как бы «выводит» своим телом на письме то, что говорит, – в сущности, пишет «самой собой». В дневнике Дьяконовой это заметно, например, в повышенной эмоциональности её письма, в резких оценках окружающих, в описаниях истерик и слёз, в особом дискурсе «телесности». В ослабленном виде этот последний обнаруживается и в статье 1902 года.

Дьяконова разделяет также мысль Толстого о таком «общественном предрассудке», как разделение труда на «мужской» и «женский». Здесь, собственно, начинается концептуальная часть её статьи. На первый взгляд кажется, что писательница отнюдь не ратует за равноправие мужчин и женщин, однако на самом деле её рассуждения направлены против социальной и экономической

несправедливости по отношению к женщине. Дьяконова говорит, что это разделение фактически действует лишь в отношении мужчин, современная женщина же не только работает на фабрике, но и исполняет всю домашнюю работу. И такое положение женщины сохраняется среди интеллигенции, крестьян и рабочих. Особенно отмечает Дьяконова то, что если положение русского крестьянина стало лучше, то доля крестьянки по-прежнему ничем не отличается от той, что описал Н. А. Некрасов в поэме «Мороз, красный нос». Пока муж отдыхает в кабаке или в клубе, его жена продолжает работать. Вместе с Толстым Дьяконова называет это «страшным злом» в жизни русской женщины.

И здесь пути двух современников расходятся. Оставшиеся две трети статьи Дьяконова подвергает взгляды Толстого на «половой вопрос» резкой критике. И это позволяет увидеть её собственное лицо – убежденной феминистки, борющейся за права женщин.

Первый её удар в адрес Толстого сделан с позиций христианской этики и направлен на поиск противоречий в толстовском мировоззрении (их, как известно, было немало). Предположив, что великий писатель, разделяя евангельское учение о любви к Богу и о любви к ближнему, должен прийти к отрицанию подчиненного положения женщины в браке как противоречащего Нагорной проповеди, Дьяконова обнаруживает у Толстого совершенно «средневековые» представления о женщине. Она обвиняет его в неисторичности мышления: «Как он не понимает того, что если женщина в среднем умственном уровне ниже мужчины, то это уж никак не вследствие природной неспособности, а вследствие того, что её образование и развитие, как физическое, так и духовное, веками пренебрегалось?» [10]. Для всякого посредственного мужчины открыты все двери, негодует Дьяконова, а любая талантливая женщина вынуждена бороться со множеством препятствий, причём именно потому, что она – женщина. В пример она приводит математика Софью Ковалевскую, жену художника И. И. Шишкина, двух французских писательниц – Клеманс Ройе и Жорж Санд, муж которой всё никак не мог понять, что женат на гениальной женщине. С жёсткой иронией Дьяконова отмечает, что обожание своего достоинства «глубоко вошло в плоть и кровь мужчин всех времён и народов» [10].

Второй удар по Толстому, а собственно, по всему патриархальному дискурсу эпохи, нанесён с опорой на научное знание и усилен мощной риторикой, силой веры в женскую самость. Давно доказано, говорит Дьяконова, что свободная и образованная женщина обладает такой же силой разума, как и мужчина. Однако Толстой

утверждает, продолжает она, что жена должна подчиняться мужу. «Что это? Толстой или же Домострой?» – вопрошает писательница и уличает «оппонента» в софизме [10].

Любопытны, далее, переход Дьяконовой «на личности» – чисто журналистский полемический ход и её аргумент «от литературы», в котором тенденциозно подобранные мужские персонажи русских классиков противопоставлены отнюдь не произвольно выбранным персонажам женским: «Лев Николаевич! Да неужели Нехлюдовы, Онегины, Печорины, Обломовы могут руководить пушкинскими Татьянами, тургеневскими Еленами, Лизами, Марианнами?» [10].

Третий удар по Толстому является, в сущности, нелицеприятной критикой исторического христианства (Дьяконова была знакома с работой немецкого философа-материалиста и критика христианства Л. Фейербаха «Сущность религии»). Писательница отталкивается от фразы Толстого «Женщины были освобождены христианством» и сначала соглашается с ним, указывая, что в Евангелии действительно ничего не сказано о подчинении жены мужу в браке и что женщина могла бы считать себя освобожденной христианством, если бы это последнее сохранилось в чистом своём виде. Однако уже апостол Павел «закрепостил» женщину на новых, новозаветных, основаниях, указав, что жёны должны повиноваться своим мужьям «яко же Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава церкви» (Посл. к Ефес., 5:22-23). Таким образом, говорит Дьяконова, новая религия «удерживала старый строй семьи, основанный на порабощении женщины» [10]. Писательница обнаруживает здесь близкое знакомство со знаменитой книгой немецкого социал-демократа и крупнейшего лидера международного рабочего движения А. Бебеля «Женщина и социализм» (1879). Фактически эта часть статьи является конспективным изложением идей А. Бебеля о женском вопросе и его понимания социализма [см.: 1]. Не случайно Дьяконова прямо говорит, что эта книга «должна сделаться своего рода евангелием для всякой мыслящей женщины», и противопоставляет её рецензируемому сборнику Толстого: «В ней – идея любви к ближнему проведена гораздо последовательнее, нежели у Толстого. <...> Книга проникнута благородством, и каждая мысль в ней драгоценна». Этим сравнением Дьяконова явно хочет сказать, что в размышлениях Толстого благородства нет, как нет и осознания «векового зла, вековой несправедливости порабощения одного пола другим» [10]. Так же неявно она противопоставляет Толстому и другого западного автора – Э. Золя как создателя романа «Труд» (1901).

Снова и снова Дьяконова подчёркивает, что христианство закрепощало женщину на религиозной основе в дополнение к уже существовавшему юридическому бесправию; что цивилизация почти не признавала её за человека; что мужчина пользовался женщиной «как хотел и когда хотел, для своих целей» [10]. И вот преемником христианских истин, забытых «церковным христианством», выступил в настоящее время социализм. Единственный из современных учений он правильно разрешает женский вопрос: признаёт женщину равноправной мужчине, проституцию – злом, совместное воспитание обоих полов – необходимостью. Брак Дьяконова считает возможным только на основе взаимной свободы, любви и согласия, склоняясь, по-видимому, к идее гражданского брака, называя это «раскрепощением женщины в браке». Только в этом случае, говорит она, исчезнет борьба мужа и жены за власть в семье.

«Расправа» с Толстым завершается тем, что Дьяконова, путём подобных приведённым выше сравнений и умолчаний, обвиняет его в фарисействе и лицемерии. Истина *люби ближнего как самого себя* жива, говорит она, однако выражают её те, кто отрицает всякую религию (имеются в виду Бебель и в целом социалисты). Толстой умалчивает, утверждает Дьяконова, о том, что, кроме крестьян, угнетены в русском обществе и женщины, особенно те, кто находится в браке.

Любовь есть свобода – такова итоговая мысль Дьяконовой, повторяющая, в сущности, христианский догмат. Кто даст «отношениям полов» новую форму? – спрашивает Дьяконова. – За каким учением пойдёт женщина, веками унижаемая и угнетаемая? Только за таким, которое даст ей «освобождение и человеческую жизнь», и это – социализм. Именно в борьбе за него женщина – самое угнетенное существо в современном обществе – найдёт себя. «И да наступит скорее то время, когда все они <угнетенные. – А. П., Н. Я.> соберутся под его знамя, – и рухнет весь этот старый, отживший строй общества...» [10] – так заканчивает Дьяконова своё «евангелие от социализма и феминизма».

Примечательно, что в этом своём выводе Дьяконова близка к другой «бестужевке» (правда, недоучившейся) – Н. К. Крупской. В брошюре «Женщина-работница», написанной в те же годы (1899), та напрямую связывала изменение положения женщины с изменением социального строя [11, 279]. Дьяконовой, однако, ближе не идеология женского рабочего движения, адептом которого была Крупская, а так называемый *марксистский феминизм* (см.: [8, 323–380]). Судя по всему, идейно она эволюционировала именно к этому движению.

В представлениях Дьяконовой о социальном и нравственном идеале смешиваются, как и у многих её современников, христианские и социалистические идеи, но если как минимум вопросы веры были ею прочувствованы, впитаны с детских лет, то ее взгляды на отношения полов имели по преимуществу книжный характер (см.: [5; 7; 12, 66–118]).

Литература

1. Бебель А. Женщина и социализм. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. 592 с.
2. Дьяконова Е. Дневник русской женщины. Москва: Захаров, 2004. 480 с.
3. О половом вопросе. Мысли Л. Н. Толстого. Собрал В. Г. Чертков. Москва: Тип. торгового дома А. Печковский, П. Буланже и К°, 1906. 80 с.
4. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. Москва: Новое литературное обозрение, 1996. 208 с.
5. Петров А. В., Ярина Н. В. «Боже, я испугалась и закричала... проснулась...»: «литературные» сны даиэристки (Е. А. Дьяконова и Л. Н. Толстой) // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 3 (11). С. 78–83.
6. Петров А. В., Ярина Н. В. «Почему она была голой», или жанровые стратегии эрзац-литературы // Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 157–160.
7. Петров А. В., Ярина Н. В. «У меня теперь точно глаза открылись...», или «Остраннение» опыта чужой любви (Е. Дьяконова resp. В. Шкловский resp. В. Бутусов) // Libri Magistri. 2018. № 6. С. 109–120.
8. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 616 с.
9. Федосова Э. П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918 гг.). Москва: Педагогика, 1980. 144 с.
10. Фотография женщины: Мария Башкирцева. Дневник. Елизавета Дьяконова. Дневник [Электронный ресурс]. Санкт-Петербург: Кирцидели, 2005. 618 с. URL: http://az.lib.ru/d/dxjakonowa_e_a/text_0020.shtml (дата обращения: 01.10.2022).
11. Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 544 с.
12. Ярина Н. В. «Дневник» Елизаветы Дьяконовой: жанровое своеобразие: дис. на соискание квалификации «Исследователь, Преподаватель-исследователь»: Рукопись. Магнитогорск, 2018. 151 с.

13. Cixous Hélène. The Laugh of the Medusa // Signs. 1976. Vol. 1. No. 4 (Summer). Pp. 875–893.

REFERENCES

1. Bebel' A. Zhenshchina i socialism [Woman and Socialism]. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit., 1959. 592 p. (In Russ.).

2. Dyakonova E. Dnevnik russkoj zhenshchiny [Diary of a Russian woman]. Moscow: Zaharov, 2004. 480 p. (In Russ.).

3. O polovom voprose. Mysli L. N. Tolstogo [About the sexual issue. Thoughts of L. N. Tolstoy]. Sobral V. G. Chertkov. Moscow: Tip. torgovogo doma A. Pechkovskij, P. Bulanzhe i K°, 1906. 80 p. (In Russ.).

4. Paperno I. Semiotika povedeniya: Nikolai Chernyshevsky – chelovek epohi realizma [Semiotics of behavior: Nikolai Chernyshevsky – a man of the era of realism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 208 p. (In Russ.).

5. Petrov A. V., Yarina N. V. «Bozhe, ya ispugalas' i zakrichala... prosnulas'...»: «literaturnye» sny daieristki (E. A. Dyakonova i L. N. Tolstoi) [«God, I got scared and screamed... awaked...»: «literary» dreams of a woman diarist (E. A. Diakonova and L. N. Tolstoy)] // Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya [Herald of Humanitarian Education]. 2018. № 3 (11). P. 78–83. (In Russ.).

6. Petrov A. V., Yarina N. V. «Pochemu ona byla goloj», ili zhanrovye strategii erzac-literatury [«Why She Was Naked», or the Genre Strategies of Ersatz-Literature] // Filologicheskij klass [Philological Class]. 2018. № 4 (54). Pp. 157–160. (In Russ.).

7. Petrov A. V., Yarina N. V. «U menya teper' tochno glaza otkrylis'...», ili «Ostrannenie» opyta chuzhoj lyubvi (E. Dyakonova resp. V. Shklovsky resp. V. Butusov) [«At me now precisely eyes opened...», or Distancing of experience of others love (E. Dyakonova resp. V. Shklovsky resp. V. Butusov)] // Libri Magistri. 2018. Vyp. VI. Pp. 109–120. (In Russ.).

8. Stites R. Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nigilizm i bol'shevizm, 1860–1930 [The women's liberation movement in Russia]. Moscow: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN), 2004. 616 p. (In Russ.).

9. Fedosova E. P. Bestuzhevskie kursy – pervyj zhenskij universitet v Rossii (1878–1918 gg.) [Bestuzhev Courses – the first women's university in Russia (1878–1918)]. Moscow: Pedagogika, 1980. 144 p. (In Russ.).

10. Fotografiya zhenshchiny [Photo of a woman]: Mariya Bashkirtseva. Dnevnik. Elizaveta D'yakonova. Dnevnik [Elektronnyj resurs]. Saint-Petersburg: Kirtsideli, 2005. 618 p. URL: http://az.lib.ru/d/dxjakonowa_e_a/text_0020.shtml (accessed 01.10.2022). (In Russ.).

11. Yukina I. I. Russkij feminizm kak vyzov sovremennosti [Russian Feminism as a challenge to modernity]. Saint-Petersburg: Aletejya, 2007. 544 p. (In Russ.).

12. Yarina N. V. «Dnevnik» Elizavety Dyakonovoy: zhanrovoe svoeobrazie [Elizaveta Diakonova's «Diary»: genre originality]: dis. na soiskanie kvalifikatsii «Issledovatel', Prepodavatel'-issledovatel'»: Rukopis'. Magnitogorsk, 2018. 151 p. (In Russ.).

13. Cixous Hélène. The Laugh of the Medusa // Signs. 1976. Vol. 1. No. 4 (Summer). Pp. 875–893. (In Eng.).

ELIZAVETA DYAKONOVA'S ARTICLE

«ON THE WOMEN'S QUESTION» (1902):

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN FEMINISM AND TOLSTOYISM

Aleksey V. Petrov

Doctor of Philology, teacher of additional education,
secondary educational school № 38 (Magnitogorsk, Russia)

Natalya V. Yarina

Teacher-researcher, Magister, director, secondary educational school № 38
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article analyzes the journalistic article «On the women's question» (1902) of E. A. Dyakonova – the famous diarist of the turn of the 19–20 centuries. The now obsolete term of that era – «women's question» described the rights and status of women in all spheres of public life at that time. Dyakonova herself, who experienced parental oppression, hardly got into Bestuzhev courses and faced infringement of her civil rights, this «question» was experienced and felt personally. The article written by Dyakonova in Paris was directed against the writer, her contemporary, who was an idol for her, but whose views on the «sexual question» she could not accept. Her polemic with L. N. Tolstoy is conducted from several positions. First, she discovers contradictions in his Christian views, pointing out that anyone who shares the gospel teaching about love and follows the ideas of the Sermon on the Mount must come to the denial of the subordinate position of a woman in marriage. Secondly, Dyakonova reproaches Tolstoy with «medieval» views on a woman, referring to the well-known thesis about the subordination of a wife to her husband. Continuing her criticism of historical Christianity, she, thirdly, speaks about the enslavement of women by men on new, «New Testament» grounds. Of the modern teachings, only socialism, Dyakonova believes, returns to the original understanding of the gospel commandment about love for one's neighbor and recognizes a woman as equal to a man. Only

socialism will liberate women and give the relations of the sexes a new form. In general, the ideological evolution of Dyakonova moved in the direction of «Marxist feminism».

Keywords: E. A. Dyakonova, L. N. Tolstoy, «Women's question», feminism, Tolstoyism, gender studies

Для цитирования: Петров А. В., Ярина Н. В. Статья Елизаветы Дьяконовой «О женском вопросе» (1902): из истории русского феминизма и Толстовства // Libri Magistri. 2022. № 3 (21). С. 55–69.

Поступила в редакцию 16.08.2022